

стр. 161

Николай Тарабукин.

ЖИВОПИСЬ КОНЧАЛОВСКОГО. ТЕКСТ П. П. МУРАТОВА.

Издательство "Творчество", Москва 1923 г., отпечатано в количестве 999 нумерованных экземпляров и 50 именных. 86 стр. 40. Цена 10 руб. золотом.

Муратов – характерный персонаж неизменно и настойчиво, несмотря ни на что" следующий скрижалим "ветхого завета". Даже такого, крепко связанного с современностью мастера, как Кончаловский, он примеряет не по сегодняшнему, конечно, уж не по завтрашнему дню, – а по вчерашнему. "Принадлежа к разряду живописцев, – говорит Муратов о Кончаловском, – усилиями которых создается художественное достояние, он позволяет нам глядеть и в прошлое не без некоторого удовлетворения" (16 стр.). Если с прошлым, а в особенности с итальянской пылью, выдерживает сопоставление современный автор, то для музейно-антикварного эстета он вырастает в величину, заслуживающую внимания.

Увидя в "вещественности" Кончаловского характерную сторону его творчества, Муратов не замедлил и в нее внести оттенки "спиритуального"

стр. 162

(напр. "Скрипач", 82 стр.), тканью драпировок "наполнить воздух" (67 стр.) а в складках на некоторых портретах и натюрмортах обнаружить "дыхание" (63 стр.). Но, если трудно спорить с столь "спиритуальным зрением", видящим "дыхание" складок, то можно в утверждениях о "тщательно и изысканно" "лепленной поверхности", "об изысканности письма" Кончаловского обнаружить просто несусазицу, "художественного критика": можно многое утверждать о Кончаловском, только не "изысканность его письма". Понимая, что подобному утверждению нельзя придать распространенное толкование на все полотна Кончаловского Муратов говорит: "Этой драгоценности и живописной поверхности, этой сгущенности мастерства, как будто бы даже несколько испугался (?) художник" (58). Неправда ли курьезное объяснение тому, что в других натюрмортах живописца фактура теряет свою "изысканность". Отчего же изблюбленные Муратовым итальянцы не боялись встретить в хорошо проработанной поверхности своих полотен "связывающее руку и ограничивающее зрительную жажду" (?) начало.

Монография пестрит целым ворохом банальностей и провинциализмов, которые без критики их очевидны сами по себе. Кончаловский конечно сопоставляется с Сезанном. Всю необоснованность этого утверждения я уже отмечал в свое время. Провозглашается надежда появления картины, "которая сменит "эскиз" и спасет живопись от "кризиса" и "тупика". Ныне такая вера не очень устойчива, даже в Конотопе. Говорится о "возрождении" живописи. Авансируются будто бы десятки ныне работающих в Париже живописцев, "призванных к такого рода героическому подвигу". Но в тоже время "мы еще плохо знаем их имена", но "мы узнаем их" – обнадеживает критик – когда населятся вещами их и наши музеи". (14) Не отложить ли до того времени и размышления о возрождении искусства, чтоб не делать из него одно лишь "чаяние"? Не обошлось дело без выпадов по поводу "левых крайностей" (13), восторгов перед Италией, до сих пор находящей порох для зарядов. На своем месте оказались колдовство и магия: "священная тишина работы", "осенения и озарения свыше", "искры проретеева огня" и прочая чертовщина.

Стоит ли указывать на само собой разумеющееся, что Кончаловский рассмотрен вне исторической перспективы, а поэтому вырос до несоответствующей действительности величины, вне каких либо социологических предпосылок, обусловивших формы и характер его творчества.

Голодному уму нашей художественной молодежи, ищущей опоры в разброде современного искусства Муратов ничего не дает. Нечего жалеть, что по дороговизне и ограниченности тиража она не получит широкого распространения. Пусть гниет на полках библиоманов. Старым дрожжам не поднять опоры нового искусства. Зреют новые дрожжи в которых заложен и динамит разрушения и творчество созидания, если и не "картинки", то что повелительно диктует жизнь.

